

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА БАРГУЗИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Изучение вопроса об истории формирования культурного ландшафта Баргузинской котловины дает немало интересного материала для познания древней истории Баргузинского края. Под культурным ландшафтом понимается *культура местного сообщества*, сформировавшаяся как результат его жизнедеятельности в определенных *природных условиях*, взятая в ее *целостности* (В. Н. Калущков, А. А. Иванова и др.). В формировании культурного ландшафта Баргузинской котловины видимый отпечаток и огромную роль сыграл этап русской колонизации. Здесь она проходила особенно сложно и многоэтапно.

Баргузинская котловина, расположенная между Баргузинским и Икатским хребтами, является одной из типичных впадин Байкальской системы и имеет тектоническое происхождение. Она расположена в межгорной впадине, по которой протекает река Баргузин. Посреди горной тайги расположены обширные степи с типичными степными растениями. Значительные площади заняты лугами, болотами, имеются участки песков. В современном административном устройстве Республики Бурятия Баргузинская долина разделена на два района: Баргузинский с центром в пос. Баргузин и Курумканский с центром в с. Курумкан. Самые ранние исторические заметки об истории заселения Баргузинской долины появляются в печатных материалах по донесениям и сообщениям русских завоевателей Сибири XVII в., в показаниях путешественников XVIII в., некоторых очень неполных русских архивных данных и, наконец, в материалах различных этнографических исследований.

Весной 1647 г. казачий десятник Костька Иванов Москвитин, служилый человек Ивашко Самойлов и «новоприбранный охотник» Ивашко Ортемьев, посланные из Верхнеангарского зимовья атаманом Василием Колесниковым разведать дорогу к монгольскому князю Турухай – Табуану, через залив Баргузинский Култук попали в долину Баргузина, густо заселенную тунгусами. «...А в степи кочуют тынгусские люди родом челкагирцы, платье носят по-мунгальски и по-тынгусски, а живот (скот. – Примеч. А. Т.) у них кони, а инова скота никакого нет... А по Баргузинской сте-

пи конной ход ехати ис конца в конец четыре дни», – доносил Костька Москвитин своему воеводе по возвращении из похода [4, с. 48–49].

Проводники тунгусы рассказывали, что незадолго до прихода русских в Баргузинской долине проживал другой, им неизвестный народ. Первыми столкнулись с неизвестным народом эвенки-кындыгиры, много веков назад перекочевавшие с берегов далекого Амура к овечьему легендами озеру-моря Байкалу (Ламу) [6, с. 50–54]. Неизвестный красивый и богатый народ звал себя баргу [3, с. 28–30]. О стране Баргу упоминает Марко Поло, который располагает ее «на север от Каракорума (Каракорона) и от Алтая» [2, с. 160–164].

По преданиям баргузинских бурят, которые относят себя к их потомкам, баргуты, или «аба-хорчины», были людьми физически сильными, выносливыми, высокие ростом, отличались большим трудолюбием. Карл Риттер в своем труде «Землеведение Азии» одним из первых описал земледелие в Баргузинской котловине. Баргуты преимущественно занимались хлебопашеством, о чем свидетельствуют канавы (борозды) близ деревень Уро, Суво, на реке Бодон. Судя по историко-географическим данным, в середине I тыс. н. э. (культура баргутов) земледелие в Баргузинской долине достигло высшего уровня своего развития – пашенно-поливного земледелия. В этот период появились и первые агроирригационные ландшафты.

Сложно и многоэтапно происходил процесс русской колонизации Баргузинского края.

Первая попытка проникновения русских казаков-землепроходцев была предпринята зимой 1643–1644 гг., но закончилась она неудачно. Посланный Курбатом Ивановым отряд Семена Скороходова после построения Верхнеангарского зимовья направился по льду Байкала в Баргузин, но в Чивыркуйском заливе попал в засаду и был полностью перебит тунгусами под предводительством местного князя Архича Баатура. Сибирские власти приняли решение построить в Баргузине опорное укрепленное поселение, откуда и продолжить освоение Забайкальского края. Такой острог был построен в 1648 г. сыном боярским Иваном Галкиным с отрядом служилых людей, приплывшим из Верхнеангарского зимовья на лодках [4]. В 1734 г. пожар уничтожил все казенные здания, устроенные внутри двора острога.

Территорию острога прорезала Мельничная речка, на которой служилый Степан Хобот устроил мельницу. За частоколом острога находилась Баргузинская деревня. К 30–40-м гг. XVIII в. она выросла. К 1740 г. в остроге, заимках, мелких деревнях, приписанных к острогу, насчитывалось 83 двора [5, с. 12–13].

Постепенно русское население сосредотачивалось в нижнем течении Баргузина. Здесь на протяжении 50–60 верст, от Байкала до Баргузинского острога, возникла цепь зимовий и деревень в 1–2 двора. Они получали название по фамилиям основателей – выходцев из баргузинских отставных служилых.

Со второй половины 40-х гг. XIX в. в Баргузине осела значительная группа «ссылно-поселенных» евреев, приписанных к мещанскому обществу. Всего к 1850 г. евреев в Баргузине числилось 30 человек мужского пола [1].

С исторической точки зрения представляет интерес то обстоятельство, что в 1775 г. Баргузин был приписан к Якутской провинции, но с 1783 стал уездным городом. В октябре 1790 г. ему был дан герб с изображением сидящей белки на серебряном поле. «В знак того, – говорилось в сенатском указе, – что в округе одного города ловятся летучие белки». В начале 1820 г. Баргузин разделяет участь «заштатных» городов Сибири, будучи переименованным в посад [4].

Выше, в северных районах Баргузинской долины бурятское и эвенкийское население к оседлости переходило медленно, это объяснялось традиционной необходимостью смены пастбищ и охотничьих угодий по временам года. Данное обстоятельство спасало от перевыпаса скота и заболачивания почвенного покрова, а также перелова диких, пушных зверей.

Определенную роль в укреплении оседлости играло крещение, хотя порой новообращенные в христианство возвращались к своим родам, вопреки обязательству жить в крестьянских обществах для совершения исповедей и причастий. Приобщение к русскому быту, земледельческим занятиям, все более усиливающееся культурное влияние и взаимовлияние между народами привели к образованию стационарных поселений, где помимо юрт и чумов возводились деревянные избы, кое-где принявшие массовый характер [5, с. 172].

С точки зрения административной оформленности интерес представляет выдержка из одной летописи: «Что касается новых оснований, установившихся в жизни бурятского и эвенкийского

народов после поворота русского государственного управления, то прежняя волость и восемь булуков баргузинских бурят теперь, объединившись в четыре хошуна, стали называться Баргузинским бурятским аймаком...» [1].

Итак, Баргузинская котловина постоянно испытывала на себе исторические периоды заселения и освоения края разными народами, разными культурами, которые образовывали наслоения. Исследуя эти наслоения, мы можем проследить формирование в целом культурного ландшафта Баргузинской долины и представить ее модель.

Литература

1. Национальный архив РБ. Ф. 7. Д. 6.
2. Ковалевский М. М. Общинное землепользование, причины, ход и последствия его разложения / М. М. Ковалевский. – М., 1879.
3. Неупокоев В. Тунгусы Бурятии // Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск, 1926. – № 6.
4. Тиваненко А. В. На стыке времен народов // Баргузинская котловина. – 1979.
5. Шмулевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII – середина XX века / М. М. Шмулевич. – Новосибирск : Наука, 1985.
6. Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX) / А. С. Шубин. – Улан-Удэ, 1973.

ЮДОВА С. А.

МЕСТО РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ПАРСОВ

Общеизвестна роль религии в формировании этнической культуры, являющейся в большинстве своем ее базовым элементом. Особенно возрастает функциональное значение религии в случаях, когда этническая группа длительно существует в инорелигиозной, иноэтнической среде, вне пределов исторической родины. В таких условиях складываются устойчивые этноконфессиональные общности, для которых религия является структурообразующим стержнем. У мигрирующих этнических групп, нацеленных на самосохранение, особенно востребованной (не всегда осознанно или проговариваемо внутри общины) оказывается интегрирующая функция религии, которая содействует внутренней социальной интеграции, освящает (делает предосудительным их нарушение) этические нормы и порядок социальной